

Научная статья

УДК 101.1:316; 316.3; 316.47; 316.4.06

DOI 10.25205/2541-7517-2023-3-34-44

Причинные факторы инклюзии и эксклюзии в институциональных процессах общественного развития

Николай Сергеевич Розов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

nrozov@nsu.ru <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Аннотация

Под инклюзией и эксклюзией здесь понимаются явления включения определенной категории лиц в некое сообщество в качестве «своих» и, соответственно, исключения как превращения «своих» в «чужих» и даже во «врагов». Институциональность данных процессов означает, что это не разовые и ситуативные явления, но глубокие сдвиги с долговременными последствиями, предполагающие изменения правил взаимодействий и установок их участников. Разные общества в процессах своего развития переживали инклюзии и эксклюзии по критериям пола, возраста, вероисповедания, этничности, сословного или классового происхождения, уровня и характера образования, профессиональной принадлежности и т. д. В статье на основе общих теоретических принципов и исторических обобщений формулируются причинные условия и факторы, способствующие инклюзиям и эксклюзиям.

Ключевые слова

инклюзия, эксклюзия, социальный институт, престиж, власть, легитимность, благосостояние, политическая борьба

Для цитирования

Розов Н. С. Причинные факторы инклюзии и эксклюзии в институциональных процессах общественного развития // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 3. С. 34–44. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-34-44

Causal factors of inclusion and exclusion in institutional processes of social development

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

nrozov@nsu.ru <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Abstract

By inclusion and exclusion here we mean the phenomena of inclusion of a certain category of persons into a certain community as “insiders” and, accordingly, exclusion as transformation of “insiders” into “outsiders” and even into “enemies”. The institutional nature of these processes means that they are not one-time and situational phenomena, but deep shifts with long-term consequences, entailing changes in the rules of interaction and attitudes of their participants. In the course of their development, different societies have experienced inclusion and exclusion according to the criteria of gender, age, religion, ethnicity, class social origin, level and nature of education, professional affiliation, etc. The article formulates causal conditions and factors contributing to inclusion and exclusion on the basis of general theoretical principles and historical generalizations.

Key words

Inclusion, exclusion, social institution, prestige, power, legitimacy, welfare, political struggle

For citation

Rozov N. S. Causal factors of inclusion and exclusion in institutional processes of social development. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no 3, p. 34–44 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-34-44

Шкала инклюзивности / эксклюзивности

Рассмотрим в качестве общей переменной направленность новых социальных практик на инклюзивность и эксклюзивность. На первом полюсе настрой состоит в расширении круга «своих», которые необходимо защищать, насилие в отношении которых, даже необходимое (справедливое, законное), нужно ограничивать. На втором полюсе настрой состоит в том, чтобы отделять и дискриминировать «чужих» по какому-то явному признаку.

Эксклюзивные практики также состоят в том, чтобы среди «чужих» и даже среди «своих» выделять «врагов», которые вообще не достойны никакой жалости и снисхождения, не имеют права на голос и попытки оправдания, на жизнь, избавление от пыток и даже на достойную смерть. Ярким примером является традиция «расчеловечивания» в военное время, когда врагов называют и представляют не людьми, а зверями, чудовищами, крысами, тараканами и т. п.

Есть ли какие-то общие структурные причины в социальных отношениях и порядках [Мертон, 1991], строе культурных образцов [Кребер, 2008] или групповой психике, установках, фреймах [Гофман, 2004], которые обуславливают сдвиги идей, социальных практик и структур в сторону инклюзивности или эксклюзивности?

Воспользуемся универсальной функциональной схемой, в соответствии с которой идеи составляют востребованные ингредиенты для формирования новых обеспечивающих структур [Stinchcombe, 1987]. Последние создаются и складываются для обеспечения забот. Здесь нас интересуют не частные индивидуальные преходящие заботы, а крупные, долгоживущие заботы, значимые для элит, государств, бюрократий, влиятельных сословий и классов. Именно такие заботы движут институциональные процессы с долговременными последствиями.

В качестве ближайшей эвристики выступают заботы, связанные с *социальными универсалиями* М. Вебера и М. Манна: политической властью, могуществом-безопасностью, богатством-благополучием и престижем-статусом-легитимностью-репутацией [Вебер, 1990; Манн, 2018].

Приходим к формулированию вопросов такого рода: заботы увеличения или сохранения своего положения в аспекте каждой универсалии (см. выше) при каких социальных и/или ментальных (культурных и психических) условиях ведут, скорее, к поддержке и использованию более инклюзивных или более эксклюзивных идей (картин мира, когнитивных схем, фреймов, концептов)?

Заботы укрепления власти как драйверы инклюзивности и эксклюзивности

Заботы политической власти будем здесь понимать как достижение более высокого уровня господства, влияния и укрепление имеющегося уровня в рамках некоего условного общества (политии, империи, национального государства). Когда же политические акторы решаются на инклюзию – включение в круг «своих» – новых больших групп населения с предоставлением им новых прав и возможностей?

Такое происходит, когда актор имеет и видит реальные перспективы увеличения своей поддержки от широких слоев. Именно в этих условиях появляется интерес, направленность на то, чтобы дать им статус и права, которых они были лишены ранее. Нередко при этом появляется (отчасти искусственно создается, отчасти естественно складывается) новая широкая категория, а значит и новая престижная защищенная идентичность тех, кто в эту категорию попадает. Самым ярким и распространенным примером является «нация» с прокламируемым политическим и правовым равенством «граждан».

Война североамериканских штатов за независимость и Французская революция породили архетипические образцы учреждения наций и гражданства. Пусть в обоих случаях гражданские права получили только мужчины, к тому же в США только белые и свободные, но сам принцип равенства обнаружил могучий потенциал для последующих сдвигов в направлении инклюзии [Коллинз, 2015].

Те же яркие случаи показывают значимость особых социальных условий, таких как слом прежних социально-политических и геополитических структур, высокая неопределенность с бурным идейным соперничеством, новыми вызовами-возможностями для претендентов на власть, мобилизацией широких масс [Тилли, 2009].

Следует учесть также особые ментальные условия – наличие в общественном сознании, дискурсе концептов нации (народа), гражданства, равенства. Некото-

рые идеи были взяты из мифологизированной гуманистами античной истории («свобода», «народная воля», «общее благо», «выборы», «демократия») и обсуждались образованной элитой в ходе Просвещения XVIII в. Другие идеи, такие, как равенство душ перед Богом, пришли из христианства.

С политическим кризисом, общим напряжением, неопределенностью следует связать также социально-ментальный дисбаланс, когда типичным стало недовольство людей своими институциональными позициями, статусом. В этих условиях разрушение прежних сословных и классовых перегородок, предоставление новым широким группам престижного статуса, особенно с возможностями повышения личного благосостояния, становится весьма перспективной и выгодной стратегией претендентов на власть [Лахман, 2010]. Если же коалиция с такими идеями побеждает, то новые порядки с инклюзивностью обретают институциональное закрепление (в декларациях, конституциях, законах) и особую политическую сакральность.

При рассмотрении условий для развития идей, практик, структур эксклюзивности, заботы, достижения и укрепления власти, могущества / безопасности, престижа-легитимности весьма трудно отделить друг от друга. Каждая стратегия эксклюзии, как правило, применяется для обеспечения всех такого рода забот. Соответственно, будем рассматривать весь этот комплекс как большой мотивирующий драйвер для лишения каких-то групп прав, жизненных благ, свободы или даже жизни.

Наиболее яркими и известными примерами являются антисемитизм в гитлеровской Германии и в послевоенном СССР (борьба с «безродными космополитами»). Добавим сюда коллективизацию 1929 г. (репрессии против «кулаков»), депортацию целых народов (крымских татар, чеченцев), «Ленинградское дело» и «Большой террор» (репрессии против «троцкистов», «врагов народа» и проч.). Чтобы не ограничивать круг примеров двумя архетипичными тоталитарными режимами, включим в рассмотрение репрессии против городского образованного класса в Китае периода «культурной революции» и в полпотовской Кампучии, а также антикоммунистическую «охоту на ведьм» в США 1950-гг. – маккартизм.

Несмотря на всю пестроту различий в этих примерах, можно вычленил следующие значимые инварианты условий и механизмов эксклюзивных практик:

- главный зачинатель и «мотор» репрессий либо уже достиг верховной властной позиции (Гитлер, Сталин, Мао, Пол Пот), либо своей деятельностью весьма успешно на какой-то период достигал своих амбициозных целей (сенатор Маккарти в 1952 г. сыграл важнейшую роль в победе Эйзенхауэра, потом убедил его в правильности своей политики и в 1953 г. стал чуть ли не самой влиятельной фигурой в США);
- контекст текущей, ожидаемой или недавней большой войны; это облегчало связывать внутренних «врагов» с реальным или предполагаемым военным противником; жесткость наказаний, ставшая привычной в военное время, переносилась в практики репрессий;
- в каждом случае имели место более или менее реальные угрозы для политического режима и/или легитимности и власти самого лидера; ставка

на бескомпромиссную суровость к «врагам» на какое-то время действительно помогала укрепить легитимность;

- в каждом случае репрессии осуществлялись под аккомпанемент защиты «высших ценностей», понятных массам и исполнителям («коммунизм», «высшая раса», «великая нация», «демократия»); суровость мер служила свидетельством причастности лидера, его власти и режима к этим ценностям, попавшим под угрозы со стороны «врагов»; кроме того, обеспечивалась широкая мобилизация сторонников с закреплением их роли как участников карательной кампании;
- не обязательным, но и не редким был мотив массового изъятия собственности у «врагов»; крупная собственность конвертировалась в военную силу как фактор могущества и легитимности; мелкие блага (оставленные квартиры и дома) доставались либо исполнителям, либо служили наградным фондом опять же для расширения поддержки лидера и режима.

Заботы могущества / безопасности могут способствовать инклюзивности

При создании и развитии государств-наций вполне типично предоставление равных гражданских прав этническим и расовым меньшинствам. Такие меры направлены на повышение лояльности меньшинств режиму, что облегчает рекрутирование и положительно влияет на боевой дух новобранцев.

Расширяющиеся империи вынуждены каким-то образом обеспечивать лояльность элит присоединенных провинций (если элиты не были уничтожены или не бежали при завоевании). вполне эффективной бывает стратегия добровольной инкорпорации с демонстрируемой уважительностью к культурной и языковой специфике, с предоставлением равных прав, раздачей титулов и наград, привлечением к элитарным институтам и ритуалам (военные и политические училища, позиции в бюрократии, собрания, балы) и даже поощрением межэтнических браков. Известным примером является успешное обеспечение лояльности грузинской элиты благодаря политике графа Воронцова (1845–1854 гг.).

На противоположном полюсе находится принудительная национальная унификация – запреты на язык и культуру присоединенных провинций или этнических меньшинств, принуждение, устрашение, репрессии. Актуальная политика «окитаивания» уйгуров и казахов в Синьцзяне служит ярким, но далеко не единственным примером. Такую унификацию нельзя расценивать как инклюзивность. Однако следует учитывать этот полюс, поскольку между добровольной, привлекательной инклюзивностью и принудительной унификацией, сопровождаемой репрессиями, угрозами насилия или неприкрытым насилием, есть большая «серая зона». Здесь имперский центр комбинирует «пряники» и «кнуты», причем тоже с разным успехом.

Вполне удачными для Франции конца XVIII – начала XIX в. стали систематические усилия по превращению множественных окраинных этносов (бургундцев, гасконцев и др.) во французов. Наряду со школьным образованием строго на французском языке и социализацией в призывной армии использовались та-

кие «кнуты» как поощряемые в школах насмешки, издевательства над теми детьми, кто в публичном пространстве говорил на местных языках, и такие «пряники» как привлечение на доходные и статусные государственные должности только тех, кто в достаточной мере «офранцузился».

В значительной мере успешным можно считать массовое ополячивание (полонизацию) литовцев в Речи Посполитой XVI–XVIII вв., а также украинцев и белорусов в Польше в 1920–1930-е гг.

Весьма мягко и исключительно успешно в США уже с XVIII в. стали приучать всех эмигрантов к английскому языку, хотя во многих штатах чуть ли не большинство населения говорило на своих родных языках, особенно на немецком, испанском, французском. Именно школьное обучение, перспективы бизнеса и административной карьеры диктовали родителям и детям приоритетность овладения английским языком.

Стимулы к относительно успешному преодолению расовой дискриминации в США имели не только, а может быть и не столько идейный характер (равенство гражданских прав), сколько потребности государства в пополнении армии. Чернокожие были призваны и вполне успешно воевали в обеих мировых и во Вьетнамской войне.

Пожалуй, с какими-то оговорками можно судить об успешности языковой русификации в имперский и советский периоды восточных Украины и Белоруссии, столиц многих присоединенных провинций (позже – союзных и автономных республик): от Риги, Кишинева и Баку до Ташкента, Душанбе, Улан-Удэ и Якутска.

В то же время непоследовательность «национальной политики», когда «коренизация» сменялась репрессиями против «буржуазного национализма», а главное – преимущественная ставка на принуждение при почти не скрываемом шовинизме приводили к отчуждению в отношении имперского центра, тлению и всплохам национально-освободительных настроений и движений. Все эти факторы, включая накопленные обиды, сыграли роль в распаде СССР, в последующих напряжениях, конфликтах и войнах на постсоветском пространстве.

Выгода собирать и выгода разбрасывать

Для обеспечения забот богатства-благополучия нередко бывает выгодно включать в круг полноправных тех, кто ранее был ущемлен. Новые права для ранее исключенного контингента позволяют использовать его в экономических структурах, что увеличивает их доходность.

Крестьянам, даже крепостным, стали разрешать торговать на рынках своей продукцией ровно тогда, когда хозяевам, землевладельцам стало необходимо монетизировать свои доходы, а государствам – получать налоги в денежной форме.

Когда для растущего капитализма стал необходим рынок земли, в государствах с самыми прозорливыми государственными деятелями, такими как Наполеон Бонапарт, были резко расширены права продажи земельных участков, в том числе даже наследственных (вотчин).

Для новых растущих производств обычно нужна новая рабочая сила. Традиционное марксистское объяснение сугубо экономических выгод Севера от отме-

ны рабства как мотива Гражданской войны сомнительно, но вряд ли правильно полностью исключать такого рода мотивы.

Быстрое и последовательное расширение доступа к среднему и высшему образованию в европейских, а затем и во множестве других стран всегда происходило под аккомпанемент благозвучной риторики о благотворности знаний, культуры, просвещения. Однако нельзя отрицать заинтересованность правителей, чиновников и промышленных, финансовых элит в массовом пополнении хозяйства, инженерии грамотной и подготовленной рабочей силой.

Когда же бывает в экономическом плане выгодна эксклюзивность – лишение и ущемление прав, интересов?

Пожалуй, подавление реальных или потенциальных соперников в конкурентной среде остается широко распространенным типом практик. Чем более простые и явные отличия конкурентов, от которых хочется отгородиться, чем легче вызвать к ним недоверие, отчуждение, вражду со стороны масс, правителей, бюрократии и легислатур, устанавливающих законы, тем скорее следует ожидать соответствующих ограничений. Ущемляют и ограничивают в правах обычно продавцов и производителей по признакам местожительства, вероисповедания, расы и этничности. Когда эти границы стали делегитимированы, появились новые «рогатки», связанные с экологией, защитой животных, неприятием вредных для здоровья производств и т. п.

Почему становилось достойным и нормальным делать полноправными ранее ущемленных

Вначале рассмотрим условия для развития идей и практик инклюзивности для забот престижа-репутации. Связанность сходных забот повышения своей легитимности (статуса, авторитета) с укреплением власти и могущества была рассмотрена выше. Речь здесь пойдет о том, что при каких-то обстоятельствах борющиеся за власть акторы решают повысить свою легитимность за счет признания равенства прав и возможностей своих сограждан, законности равных притязаний на доступ к социальным благам: образованию, роду занятий, пользованию родным языком, заключению браков и т.д. [Екадумов, 2022].

На поверхности видна значимость принципов равенства, мотивирующих и поощряющих инклюзию – включение ранее отверженных в круг полноправных. Благодаря тем же принципам поддерживается инклюзивный порядок, когда отрицающие их, приветствующие или практикующие эксклюзивию (дискриминацию, ущемление или лишение прав) каких-либо групп по категориальному признаку подвергаются моральному порицанию, последующей диффамации в публичном пространстве, тем или иным санкциям.

Есть ли более глубокие основания и факторы, питающие убежденность в принципах равенства? Укажу только на пять источников из них, хотя перечень явно не полон.

- В священных текстах крупнейших религий, в мифах и фольклоре многих народов есть максимы, пословицы, поговорки, утверждающие симметрию и равенство как в отношении воздаяний за добро или зло,

так и шире – между людьми: «око за око...», «золотое правило морали» во всевозможных версиях, «что посеешь, то и пожнешь», «долг платежом красен» и т.д. и т.п.

- В самих языках есть структуры, не только позволяющие, но даже мотивирующие, провоцирующие утверждать равенство, протестовать против неравенства и несправедливости: «почему ему можно, а мне нельзя?», «почему я должен это делать, а ты – нет?» Разумеется, в иерархических, особенно сословных и кастовых обществах такого рода вопросы либо вообще не возникают, либо подавляются в зародыше. Однако это требует солидного и внушительного арсенала мировоззренческих, как правило, религиозных обоснований.
- Та же неизбывная возможность утверждать симметрию и протестовать против неравенства и несправедливости есть в любых взаимодействиях, в которых участники изначально не приняли иерархию. Порождается ли эта возможность структурами языка (см. выше), либо сами эти структуры появились благодаря таким горизонтальным взаимодействиям, – это вопрос, схожий с проблемой «первичности» курицы или яйца. Решается же он признанием круговой связи, постоянным взаимным порождением и подкреплением.
- Солидарность в каком-либо сотрудничестве, особенно в совместных опасных военных действиях («боевое братство») способствует не только согласию с равенством, но также сильному и устойчивому взаимному доверию. Такое доверие нивелирует прежние разделявшие перегородки, не только классовые, но даже конфессиональные, расовые, этнические. Поэтому участие в больших и успешных социальных проектах, в славных триумфальных войнах – могучий фактор для сдвигов в сторону инклюзивности.
- Нельзя убрать со счетов политическую победу группы, партии, коалиции тех, кто прокламировал и в какой-то мере принял принципы равенства. Утверждение и реальное обеспечение равенства гражданских прав в странах Европы и Северной Америки либеральные идеологи и публицисты склонны объяснять «извечной тягой к свободе» этих народов. Более реалистично проследить, кто, когда и как стал проповедовать и внедрять в конституции, законы, системы образования соответствующие принципы. Изначально, это были либо победители в революциях, революционных войнах и кризисах (в Нидерландах, Великобритании, США, Франции), в дальнейшем – победители на выборах.
- Вероятно, действует механизм «идеологической инерции». В обществах, где уже приняты и институализированы идеи равенства (гражданского, гендерного, расового), появляются настрой, цели, движения по расширению инклюзивности на другие сферы: в отношении сексуальных меньшинств, всевозможных новаций в сфере гендера, криминализованных и / или морально неодобряемых занятий, таких как проституция, порноиндустрия и т. п. Лица, особенно публичные фигуры – журналисты, телеведущие, университетские профессора, политики, – которые высказыва-

ются или выступают против такого расширения прав, против инклюзии, подвергаются суровой публичной критике, рискуют быть причисленными к осуждаемой категории, получить маркер носителей морально неприемлемых взглядов.

Почему становилось достойным и нормальным лишать сограждан прав, изгонять их и даже убивать

Несложно указать на главные мотивы эксклюзивности, связанные с заботами о своей репутации, престиже, достоинстве. Сюда относится стремление принадлежать сообществу, статусной категории: нации, народу, правоверным, цивилизованным, культурным, образованным, поскольку именно через эксклюзивность – отвержение «недостойных» – люди наиболее явно и убедительно утверждают свою принадлежность к «достойным» [Блок, 2003; Элиас, 2001].

С принадлежностью и социальным членством всегда связана сопричастность к ценностям и святыням. Соответственно, становится важным обвинять отверженных в неуважении или предательстве этих святынь [Гофман, 2009].

Смежным мотивом является моральное возмущение иногда реальными, но обычно выдуманнными преступлениями, виновными в которых считаются представители исключенных категорий. Так для белого расизма особенно характерны были обвинения чернокожих в сексуальном насилии, среди антисемитов были в ходу обвинения евреев в «принесении в жертву христианских младенцев», в той же логике колонисты нередко обвиняли изгоняемых, истребляемых индейцев в каннибализме и т. д.

Некоторые социальные условия для возникновения и развития этих мотиваций просты и известны. Таков военный антагонизм, когда врагам приписывают вселенское зло, расчеловечивают их. Таково культурно укорененное отчуждение, особенно между долго враждующими сообществами разных конфессий, этносов, языков.

Затруднительно указать на другие условия, не столь явные и распространенные. В качестве эвристики и промежуточного хода рассмотрим настрой на «очищение рядов» с попытками мировоззренческой (религиозной, идеологической) унификации, борьбой со всевозможными «ересями» и «уклонениями». Здесь подсказкой служит недоверие к разнообразию, неприятие его. Лидеры и проповедники «очищения» по каким-то причинам заинтересованы в прекращении свободного обмена мнениями и споров между равными, где важны аргументы, а не власть и угрозы насилия.

Предположительно, в главные условия входит следующее сочетание ментального и социально-структурного факторов. Поборники «очищения» как идейной унификации не уверены в полном превосходстве своей мировоззренческой платформы, подрыв которой грозит обрушить их авторитет, статус, влияние, властные позиции. При этом они обладают достаточными административными и силовыми ресурсами для подавления «ересей» в широком смысле. Мало кому удается при таких условиях преодолеть соблазн расправиться со всеми актуальными и потенциальными оппонентами.

Высказанные тезисы о типовых причинах институциональных процессов инклюзии и эксклюзии отчасти следуют из общих принципов социальных взаимодействий, отчасти являются результатом исторических обобщений. Они имеют статус не надежно обоснованного знания, но правдоподобных гипотез, требующих операционализации, проверки и уточнения на материале разных обществ и культур. Но это уже другой научный жанр, требующий специальных познавательных средств [Коллинз, 2015; Розов, 2009].

Список литературы

- Блок М.** Феодалное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- Вебер М.** Избр. соч. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Екадумов А. И.** Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2022. № 1. С. 27–31.
- Гофман И.** Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.
- Гофман Э.** Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
- Коллинз Р.** Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
- Кребер А.** Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.
- Лахман Р.** Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.
- Манн М.** Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 1. 760 с.
- Мертон Р. К.** Референтная группа и социальная структура. М.: АСТ, 1991. 873 с.
- Розов Н. С.** Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009. 413 с.
- Элиас Н.** О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университ. книга, 2001. т. 1. 332 с.
- Stinchcombe A.** Constructing Social Theories. Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.

References

- Bloch M.** Feudal Society. M.: Sabashnikov, 2003. 504 p. (in Russian)
- Collins R.** Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run. M.: URSS, 2015. 499 p. (in Russian)
- Ekadumov A. I.** Inclusion vs. privileges: motives of loyalty to social orders // Jurnal Belarusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofia. Psikhologia. 2022. № 1. P. 27–31. (in Russian)
- Elias N.** On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies. M.; St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2001. vol. 1. 332 p. (in Russian)
- Goffman E.** Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2004. 752 p. (in Russian)

- Goffman E.** Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. M.: Smysl, 2009. 319 p. (in Russian)
- Kroeber A.** Selected works: The Nature of Culture. M.: ROSSPEN, 2004. 1008 p. (in Russian)
- Lachmann R.** *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe.* M.: Territoria Buduschego, 2010. 456 p. (in Russian)
- Mann M.** Sources of Social Power. Moscow: Delo, 2018. Vol. 1. 760 p. (in Russian)
- Merton R. K.** Reference Group and Social Structure. M.: AST, 1991. 873 p. (in Russian)
- Rozov N. S.** Historical Macrosociology: Methodology and Methods. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009. 413 p. (in Russian)
- Stinchcombe A.** Constructing Social Theories. Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.
- Weber M.** Selected works. M.: Progress, 1990. 808 p. (in Russian)

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, профессор кафедры социальной философии, Новосибирский государственный университет, профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет

Information about the Author

Nikolai S. Rozov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Professor, Department of Social Philosophy, Novosibirsk State University, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University

*Статья поступила в редколлегию 26.06.2023;
одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 14.11.2023*

*The article was submitted 26.06.2023;
approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 14.11.2023*